

Юлия Тупикина, www.tupikina.com, +7 909 6 777 974

КОГДА ТЫ ОСТРОВ

Монопьеса

Посвящается актрисе и танцовщице Томоми Орита.

Использованы отрывки из пьесы Канъами Киёцугу «Сотоба Комати» и стихи Оно-Но Комати.

АИКА – 40 лет.

Действие происходит в комнате Аики, которую она украшает в соответствии с сезоном.

Весна.

АИКА. Эти лепестки, правда, красивые? Сама сделала. Прозрачные, как у вишни. Идешь по парку, и как будто ты – тоже сакура, вселенское облако крошечных влажных лепестков, они летят по воздуху, как маленькие балерины, они танцуют. Разве балет – это не сакура? Здесь, в России, апрель - уже конец года, потом лето, каникулы, отпуска и всё, а в Японии – начало всего. Начало года, учебного, делового, всякого, начало жизни. Я такая счастливая! Жизнь началась! Новая надежда на счастье! Даже кожа обновилась, да-да: вчера смотрю в зеркало – другая. Потому что сакура зацвела, у меня зацвела, в моём маленьком мире, пусть только в этой комнате.

И вот иду по парку – тут горячий источник, можно ноги понежить, рядом автомат с полотенцами, сушильная машина, а тут купальни, а там романтичные уголки. Мы с Андреем делаем селфи. Он немного приседает и прижимается щекой к моей щеке – чтобы мы оба вошли в кадр: я, маленькая, и он, большой. “Ты – моя вишня”, - говорит. Нет, Андрюша, я белый медведь! Есть такие игрушки в Японии – Сумикко Гураши, такие крошечные – комок пыли, краешек свиной отбивной, хвостик креветки, и вот белый медведь - он всё время зябнет, кутается, прямо как я, пьёт чай в углу. Ну точно я. Ну или клубок пыли – он выскакивает из угла и заразительно смеётся. Или жир с отбивной – его оставили на тарелке, и от этого у него психологическая травма. Он дружит с хвостиком от жареной креветки, которого тоже бросили. А вот ещё фальшивая улитка – слизень, который изображает улитку, и от этого у него постоянное чувство вины, прям как у меня. Это всё-всё про меня, все грани моей личности.

Я разлюбила Андрея, бросила его. Как он переживёт? Мечтал жениться, просил родить дочку. Перечитываю сейчас “Гробницу Комати” - историю Оно-но Комати, она тоже отвергла поклонника. Красавец Фукакус умер, и ей тоже было стыдно. Знаете, Оно-но Комати – прославленная поэтесса девятого века?

Вот и краски цветов
поблекли, пока в этом мире
я беспечно жила,
созерцая дожди затяжные
и не чая скорую старость...

Влюбился в неё красавчик Фукакус, а она ему: буду твоей, если сто ночей
проведёшь возле моего дома. И в любую погоду он стоял возле её дома.
Девяносто девять ночей подряд, представляете. А в последнюю ночь умер.

В заливе этом нет морской травы, -
О, бедный мой рыбак!
Ты этого, наверное, не знаешь?
И от усталости изнемогая,
Всё бродишь здесь...

Магнолия любит эту историю. Сейчас она уже старая, как та старуха,
которую повстречали монахи.

Если в сердце твоём
Родилось просветленье,
Отчего этот мир
Ты не покинешь?

Спрашивают они её. И она отвечает:

Да разве мир наш земной
Покидаю телом?
Покидают сердцем его.

И дальше они выясняют, что она и есть – Оно-Но Комати, та красавица. На
этом месте Магнолия всегда сбивалась, голос её дрожал. Она чувствовала
себя красавицей Комати. Смешно, конечно. Красавица Комати – это,
конечно, я. Молодая, свежая, талантливая, тонкая. И вот теперь понятно, кто
Фукакус – Андрей. Мой бедный принц.

Что поделаешь - «Сигата-га най» - есть такое выражение. То есть, ничего не
поделаешь, ничем не поможешь. Андрей танцор, ему нужна другая жена –
служанка, которая будет за ним ухаживать, лелеять его, а я сама звезда,
мне и самой нужен муж, который будет меня лелеять. И к тому же, ну
разлюбила! Эта весна уже кончилась, для меня наступила новая.

Иду по парку, захожу в кафе, покупаю сакура моти – это розовое рисовое
тесто с начинкой из бобов адзуки, завернутое в листик сакуры, такой
пепельно-нежный. Вкус слегка солоноватый, с ароматом весны. Покупаю
свежие побеги бамбука – ммммм! Такой нежный ореховый вкус, молодой
хруст - всегда ем весной. Хочу быть молодым побегом.

Познакомились мы смешно – пришли на мастер-класс по современному танцу. Я как обычно в угол забились, чтобы меня эти лося не затоптали. Андрей мне в зеркало стал рожи строить – думаю, кому? Мне, точно. Думаю, может, это нервный тик у человека? На всякий случай стала ему улыбаться, всегда улыбаюсь в непонятной ситуации. А он стал меняться местами со всеми – сначала с одним, с другим – и до меня дошёл, и стали мы рядом танцевать. А когда сказали по парам разбиться – он меня за руку схватил. «Вы, конечно, не против», – говорит. Какой-то молодой, грубоватый, слишком какой-то наивный, как весенний бамбук. Но двигался очень хорошо, глаз не оторвать, руки горячие, из глаз как будто лучи. «Мы должны после этого пойти на свидание», – говорит. В России меня часто зовут на свидания – просто я улыбаюсь, как это принято в Японии, а они думают, что голову потеряла, влюбилась без памяти. Да, смешно – обычную приветливость путают с влюблённостью. Ну и начинают звать. Сначала иду неохотно, просто чтобы не обижать человека, неудобно как-то. И с Андреем было так. Мы пошли гулять по бульварам – прошли улыбающийся дом, видели такой? Шаркали кедрами по дорожке, посыпанной крошками, солнце выскакивало из-за листьев, дети пищали, собаки крутили хвостиками. И его улыбка, взмах ресниц, голос – он мне напомнил моего Принца.

Своего Принца я любила целых три года. Это было в старшей школе, она называлась «Весна», в неё нужно было ездить на поезде, так романтично! Просто во многих анимэ так – героиня едет куда-то в поезде, навстречу своему счастью, и я поехала навстречу своей весне. Там мы носили морскую форму, не красились, убирали волосы – строгие правила, бесило, если честно. Ацуси... Он был похож на Ацуси Сакураи, певца. Ацуси учился на год старше, играл в баскетбол. Очень красивый. Он знал, что я влюбилась, часто жду его после тренировок. Но ничего не говорил и не делал. Всего один раз мы шли вместе после школы домой, я так волновалась, сердце выскакивало. Мы шли и молчали всю дорогу. Так ничего и не сказали друг другу. А когда он закончил школу, я подарила ему талисман омамори – такие талисманы продаются в храмах, крошечные конверты из шёлка, внутри кусочки дерева. Выбрала тот, что приносит успех на экзаменах – «гагугё дзё дзю». Написала письмо: «Надеюсь, что этот талисман поможет вам сдать экзамен». Я называла его на «вы». Он позвонил мне – впервые! – на домашний телефон и поблагодарил: спасибо тебе, Аика, такой красивый талисман. Я снова не могла говорить, молчала в трубку и дышала. Он тоже дышал. Время остановилось, только Малыш дёргал меня за юбку и просил с ним поиграть, а потом громко пукнул. Ацуси сказал: встретимся после экзамена. Но он не поступил. Это последнее, что я от него слышала, больше не позвонил. Теперь очень боюсь его случайно увидеть – может, он стал толстым и плешивым, грустно. На всякий случай не смотрю баскетбол по телевизору – вдруг он красавчик и чемпион. Лучше смотреть на вишни и вспоминать моего 17-летнего Принца Ацуси. Или находить его лицо в лицах других мужчин.

Вздремнула,

И

любимый

-

сразу

Про себя я называю её Магнолия – потому что на ханакотоба, языке цветов, магнолия означает "безжалостная". Но это раньше она была безжалостная, а последнее время... ну, просто зануда.

Где мои часы, дочка?
На полке лежат, где ты оставила, там и лежат.
Не вижу, где?
Ну вот же, посмотри.

Проходит 15 минут.

Дочка, а где мои часы?
На потолке.
На потолке? Не вижу.
А ты смотри внимательно.

И она смотрит. Это так смешно! Ха-ха! Она задирает голову и смотрит! Я навещаю их каждый раз, как приезжаю в Японию, я хорошая дочь. Терплю скуку, терплю глупость, улыбаюсь, кланяюсь – настоящая японка, воспитанная, вежливая, всё по правилам, всё в рамках. "Привет, лепесточек!" – говорит мне папа каждый раз. Папа у нас Глициния. Если посмотреть в ханакотоба глицинию, то это будет про него: «доброта», «гостеприимство», «я ни за что тебя не оставлю», «опьянённый любовью». Папа у нас такой – он всегда меня баловал, всё прощал, разрешал мне потихоньку выкидывать недоеденную еду из миски, пока Магнолия не видит. Она стояла надо мной и повторяла: "Ешь! Ешь! Не выйдешь из-за стола, пока не увидишь дно миски". Я плакала, давилась, просила. А папа баловал меня, позволил прогулять все деньги на университет – четыре года после школы я просто путешествовала по Австралии и ни о чём не заботилась. Созерцала.

Оборваны					корни
Плавучей			плакучей		травы.
Так		и	я		бесприютна!
С	легкой	душой	поплыву	по	течению,
Лишь только услышу: "Плыви!"					

Я сама эти корни оборвала, чтобы легче было плыть. А Магнолия только иногда могла поймать меня по телефону:

Аика, возвращайся, поступи в университет, получи образование, найди работу и выйди замуж!

И ничего из этого я не сделала тогда, да и сейчас. Танец - это не работа – это моя душа. Танец – это и есть я.

Если бы Магнолия увидела эту комнату... Может, вам кажется, что здесь пусто, но для неё это хаос и бардак. Мне кажется, такие люди, как она, рождены не живым человеком, а японской маленькой стерилизованной

квартирой. Даже движения её точно рассчитаны: шаг вперёд, присела, взяла, протянула руку, поставила, шаг вправо, открыла, протёрла, закрыла, нагнулась, протёрла, шаг назад, повернула, потянулась, взяла, поставила, насыпала, повернула, брызнула, протёрла. Она идеальная медсестра, как робот, она всегда попадает в вену, даже если злится на кого-то – руки не предают. Всегда точно капает лекарство, точными движениями переворачивает и смазывает, накладывает повязки, перебинтовывает, делает инъекции. Даже дома она не разрешает никому иметь больше 10 пар носков и 30 предметов одежды – чтобы не захламлять пространство. А как она складывает одежду! Аккуратные плоские правильные квадраты футболок и рубашек, носки с крошечным подворотом на пятке, рулетики колготок – все стоят вертикально, строем. Пол она пылесосит, потом моет отбеливателем, потом кондиционером, потом полиролем. С дивана собирает пушинки липким валиком. Окна протирает каждый день, после работы ночью или ранним утром до работы. Мне страшно! Представь, что твоя мать – холодный робот, и ты годами пытаешься разглядеть у неё в глазах что-то живое, какую-то набухшую почку, которая становится цветком. Но эта сакура не для тебя цветёт.

Помню, был день девочек, мне было лет восемь, и я бежала из школы с красным ранцем, бежала домой – там Магнолия должна была расставить кукол и испечь для меня торт, как обычно в этот день. И вот прибегаю, а там мой Малыш – мой младший брат:

Сестрёнка, сестрёнка, давай играть, я тебя так люблю, сестрёнка.
Отстань!
Дай поносить твой ранец! Такой красивый ранец!
Отстань!

Сажусь и люблюсь на кукол: такие нежные, такие красивые! Сверху император и императрица, ниже придворные. Любит ли император императрицу? Мучает ли она придворных? А брат канючит, канючит. Голос Магнолии:

Аика, иди мой руки, убери ранец, будем есть торт.

Но я не иду, не мою, не убираю – созерцаю. Их безмятежные позы, лица, складки кимоно. Я хочу оказаться там, на этих красных ступенях, с ними, под цветущей веткой абрикоса, которая стоит в вазе. Я хочу быть красивой куклой, не ходить в школу, ничего не зубрить, не мыть руки, не убираться в комнате. Этот миг красоты такой недолговечный, хочу наслаждаться. А Малыш в это время пытается надеть мой ранец – смешно! Такой пухлый маленький ребёнок и мой огромный красный ранец. Наконец, ему удаётся надеть его кое-как. Но тут ранец тянет назад, и они оба падают и толкают стол – подставка с куклами опрокидывается, ваза с абрикосом разбивается. Магнолия с моим тортом в руках кричит:

Если бы ты убрала ранец, ничего бы не было!
Я не виновата!

Ты виновата! Он маленький!
Я не виновата! Он сам!
Ах, ты не виновата? Ну тогда...

И она выбрасывает мой торт в помойку. Я кричу, Малыш кричит, я толкаю его, пинаю, бью, Магнолия толкает меня, я визжу, все визжат...

Ты плохая мать, ты испортила мне весну.

Лето.

АИКА. Лето, мы гостим у бабушки и дедушки, в их старом доме. Бабушка любит горшки с вьюнком, обмахиваться веером, холодный ячменный чай в стеклянном графине и спелые арбузы. Дедушка любит холодное пиво, смотреть эстафеты по телевизору и варёные бобы. Магнолия любит папу, Малыша и черешню, папа любит караоке, желе из коньяку и жить один в квартире, пока мы гостим тут, в старом доме, а я люблю керамическую свинью с ароматным дымом от комаров, фейерверки и сверчков. Ещё ставить ноги на плоский камень у раздвижной стены и есть мороженое.

Бабушка в юкате с узором-вьюнком достаёт рис из подполья на кухне, улыбается мне, я пью лимонад. Полная беззаботность. Пока Магнолия гуляет и играет с Малышом, бабушка разрешает мне сколько угодно смотреть телевизор и пить лимонад банка за банкой. Шуршат листы из фольги на плите, на подоконнике сохнут очистки от овощей – бабушка сушит их, чтобы мусор занимал меньше места. По телевизору мяукает какая-то популярная певица. Я кручусь перед зеркалом, подпеваю, а потом иду смотреть на светлячков.

По пути перечитываю письмо Мэй. “Дорогая подруга! Помнишь, мы смотрели фильм “Макросс: помнишь ли нашу любовь”? Роботы, космос, поп-музыка – кайф! И там капитан Хикару любит певицу Линн Минмей, а потом любит свою начальницу-майора. И там есть такой момент, помнишь, когда Линн спела песню, которая остановила войну. А слова к этой песне нашла та майор. И вот они смотрят друг на друга – певица и девушка-майор, и они как бы враги, потому что любят одного этого парня – Хикару. Они смотрят друг на друга – и любят друг друга. По крайней мере, майор любит певицу, потому что, ну, ангельский голос у неё. И вот в этот момент я поняла, что люблю тебя. Нам обеим по 13 лет, ни ты, ни я не встречались с мальчиками, не целовались, но я точно знаю, что люблю тебя. Не просто как подругу, а по-настоящему. Ты – моя песня о любви”.

Я перечитываю снова и снова. Моё имя – Аика - означает “песня любви”. Иду гулять по саду, смотрю на бабушкины голубые и лиловые гортензии. Мама похожа на магнолию, папа похож на глицинию, а я кому-то кажусь такой прекрасной, как эта гортензия. Но этот кто-то – моя подруга Мэй. Жарко. Вчера были ливень. Мне нельзя купаться, потому что я занимаюсь японским традиционным танцем, и мы должны быть белокожие. Мне

нельзя плавать, да и не люблю. Не люблю плавать, не люблю Мэй, вернее, люблю, но не так, как она пишет. Не так, как потом полюблю Принца. Не так, как Андрея.

“Дорогая Мэй! Вспоминаю тебя и сразу танцую! У нас тут очень хорошо! Вчера был ливень, а позавчера мы ходили любоваться светлячками. Это было удивительно! Как в том фильме “Макросс: помнишь ли нашу любовь” – миллиарды звёзд во вселенной. Только у нас тут каждый светлячок – это звезда! Бабушка жарила рыбу на гриле, из-за этого в доме воняет, ужас, я вышла в сад и сижу в тени. Пиши или звони! А! я влюбилась в одного мальчика, у него длинная чёлка, он живёт недалеко, теперь всегда краснею, когда вижу его, а он меня не замечает, наверное. Ну всё, пока!”

Что, интересно, чувствовал Фукакус, когда Оно-Но Комати ему сказала сидеть сто ночей перед своими окнами? Смотрела она на него? Или как Магнолия отворачивалась. Он искал, ловил её взгляд, а она отворачивалась и шла спать. Зевала, чесала себе спину, потягивалась и засыпала спокойно, а он извивался от своей неразделённой любви как уж на скоровородке.

А потом мы вернулись в наш город, я встретила Мэй в школе. Мы ни разу не говорили про то письмо. С тех пор я стала рассказывать ей про каждого мальчика, который мне понравился, а уж когда влюбилась в Принца... Мэй пошла учиться в другую старшую школу, но это её не спасло – я звонила каждый день и очень подробно рассказывала про все-все-все свои чувства. Мне страшно было замолчать. Иногда она пыталась рассказать про свою болезнь, у неё было не очень хорошее здоровье. Но я даже не помню диагноз. Что-то с суставами. Мне было не очень интересно. Однажды думаю: звоню уже пятнадцатый раз, а её всё как будто нет дома. Наконец, её мама сказала: “Аика, дочка, не звони ей больше. Она лежит в больнице”. Хотела узнать, в какой, но мама положила трубку.

Мне тогда казалось, что Мэй – это так, а настоящие подруги ждут меня впереди, в той будущей прекрасной жизни, в которой я, конечно, счастливая.

В июне Андрей переехал ко мне, пока у него шёл ремонт. Он просыпался поздно, я готовила ему завтрак. Он жаловался на духоту, я обмахивала его веером. “Любимый, могу смотреть на тебя часами. Рассматривать каждую пору твоей кожи, влажную от жары, каждый нежный волосок на руке. Мне кажется, я рождена для этого летнего дня, чтобы обмахивать тебя веером, чтобы прожить с тобой этот зной и пыль с улицы, поцеловать дорогу к твоему сердцу”. Но он был как Гудетама – яичный желток – унылый и ленивый. Одна работа кончилась, другая не наступила, и он как будто переждал время. Иногда я танцевала для него, но однажды он заснул прямо посреди танца, и я перестала.

Оказалось, он потратил все свои сбережения на ту поездку в Японию, и теперь у него не было денег. Я платила за нас в кафе. А потом предложила ему свои деньги – как раз папа мне прислал. Андрей взял, обещал вернуть.

Сразу как-то повеселел, позвал меня в гости к своему другу. Мы поехали на дачу, там было весело, бассейн на улице, кусты малины. Он болтал с одной молодой блондинкой, прыгал с ней в бассейн.

Ну ты чего, это моя старинная подруга.
Не такая уж старинная – молодая вполне, и тебя моложе.
Фу быть такой ревнивой.

Он снова отошёл к ней, они засмеялись. Я подумала: ну да, что такого, это его старая подруга. Он младше меня на семь лет, от этого занял левый висок. Чего они жарятся на солнце, можно обгореть, можно заработать рак кожи. Казалось, хозяйка дома смотрит на меня с жалостью. “Аика, пойдём собирать малину”, - зовёт она. В малине прохладно, я успокаиваюсь. Он такой открытый, искренний со мной. Ни с кем такой не был. А со мной раскрылся. Мы говорили потом дома.

Понимаешь, она и правда друг, просто друг, не вижу в ней женщину. Но если тебе показалось что-то, то ты, конечно, говори. Так давно не было отношений, уже забыл, чего хотят женщины. И вообще, могу отвлечься на других баб, по старой привычке, одёргивай меня.

Через несколько дней в кафе он снова флиртовал с какой-то подружкой.

Иногда забываю, что обещал. Напоминай мне, пожалуйста.

Он стал какой-то рассеянный, меньше обнимал, целовал. Наверное, ремонт занимал всё его внимание.

Стесняюсь, поэтому проявляй побольше сексуальной инициативы сама. Буду рад.

Конечно, он красивый очень, нравится женщинам. Они сами на него вешаются. Но мне хотелось, чтобы он любил только меня. Я требовала, он морщился.

Аичка, у меня ремонт, голова пухнет. А работы нет, денег нет. И я, кстати, не чувствую от тебя тепла. Всё время отдаю и отдаю, открываюсь, а тебе всё мало-мало-мало – сколько можно? Попробуй и ты что-нибудь отдавать.

Я вписала его в один мюзикл как танцовщика, подняла все свои связи. Он был так рад! Зацеловал меня всю, сказал, что я великая женщина. Великая! Это значит, крупная, большая. А я такая маленькая, первый раз в жизни меня назвали большой. Это так необычно – влиять на что-то, чувствовать себя значительной, чувствовать себя огромным китом, а не маленькой рыбкой. В детстве хотела стать китом. Шёл ливень, было темно, а мы с Андреем в этой комнате были как будто внутри большого кита, жаркие и влажные, опутавшие друг друга руками и ногами. Но звонит телефон.

Алло, Аика.

Да, мама. Привет.

Я сегодня упала.

Таблетки пьёшь?

Ты грубая и невоспитанная.

И она нажимает отбой. Летом Магнолия совсем невыносимая. Летом Магнолия как Оно-Но Комати, а я как Фукакус, и мои сто ночей всё длятся и длятся как вечная пытка, как адская жара.

Летом отношения родителей портились – из-за того, что папа оставался один в городе на целый месяц, и из-за того, что Магнолия плохо переносила жару. «Самая моя большая мечта – чтобы папа всё время был со мной и обмахивал меня веером», - говорила она. Когда папа пошёл на пенсию, её мечта сбылась. «Алло! Аика? Я такая счастливая: он заправил кровать. Я такая счастливая: он купил мне воздушные вафли с мороженым. Я такая счастливая: упала и он поднял меня». И ни одного вопроса про меня. «Я тоже счастливая, что уехала далеко от тебя», - всегда хотела сказать, но, конечно, не говорила я.

Помню, как перестала называть её “мама” про себя. Август, её день рождения. Я нарисовала голубую магнолию, это было не просто так: хотела, чтобы она увидела себя со стороны, этот свой холод, чтобы она задумалась. И вот дарю рисунок: “Мама, это тебе, сама нарисовала”. Малыш вертится тут же: “Покажи мне, дай мне, дай посмотреть!” Она берёт рисунок и даёт его Малышу. Малыш хватает, мнёт: “Ой, какой красивый цветочек! Хочу себе такой! Это мой!” И она говорит ему: “Ну если тебе так нравится, сынок, бери себе, пусть будет твой”. Я возмущаюсь: “Нет, это я маме нарисовала! Отдай!” Но он не отдаёт, она хмурит брови, у неё появляется эта ужасная вертикальная морщина над переносицей. Я толкаю и щипаю Малыша, он плачет, она рвёт рисунок: “Если ты такая жадная, то мне не нужен твой подарок! Если ты бьёшь брата, мне не нужен подарок от такой жестокой девочки!” И с тех пор она стала для меня Магнолией.

Она никогда не любила и уже не полюбит меня. И я тоже.

Осень.

АИКА. Осенью у Андрея закончился ремонт. Я думала, он позовёт меня жить к себе, но он не стал. «Сигата-га най», ничего не поделаешь. Я ночевала у него по понедельникам и вторникам, когда ему не надо было выступать. Хотелось сделать что-нибудь хорошее, не знала, что. Тогда решила хотя бы убираться. Сначала только слегка протирала пыль и пылесосила, потом стала мыть полы, потом чистить сантехнику, мыть

посуду, холодильник. Во мне вдруг проснулась тяга к идеальному порядку, как у Магнолии.

Я полирую до блеска краны. Чищу плиту зубной щёткой. Загибаю уголки туалетной бумаги. Перед тем, как ставить банки из магазина в холодильник, мою их антибактериальной жидкостью. Пол мою как Магнолия: сначала отбеливателем с хлором, потом кондиционером, потом полиролем. До этого, конечно, надо его пропылесосить. Кстати, отбеливатель хорошо отмывает и унитаз, попробуйте. Каждый раз намываю окна, хоть каждый день.

Андрей сначала недоумевал, но потом привык. Он вообще перестал прибираться сам, знал, что в понедельник приду я и всё вычищу, как обсессивно-компульсивная домработница. Подкидывал свои рубашки, чтобы я гладила. И совсем перестал звать меня в гости к друзьям или в кафе, даже на прогулки.

Зерна риса, что в поле остались,
Сметает
Осенний ветер.
С грустью смотрю:
Не моя ли то участь?

Зачем человек прибирается? Во-первых, он отвлекается от своей ситуации – некогда думать, работать надо. Во-вторых, все эти вещи, которые он передвигает, это как будто мысли. Их можно переставлять в своей голове. Эту туда, ту сюда. Таковую задвину пока подальше. Человек помогает себе сам. Отключается от своей грусти, отмывает от печали свою душу, что-то переосмысливает. Обретает чувство контроля над ситуацией. Например, человек не может повлиять на большой мир, на отношение к нему другого человека, но зато может решить, чем вымоет раковину. Это спасительное чувство – что от тебя что-то зависит.

Вдруг вспомнила слёзы Магнолии, и какие-то их тайные разговоры с папой тогда, в моём детстве.

Ты не любишь меня, как ты мог, она знает, что ты женат?
Успокойся, никто тебя с детьми не бросает.
Предатель.
Я много работаю, измотался. Отстань от меня.

В один понедельник я застала в квартире Андрея полный разгром. Видимо, вчера он устроил вечеринку, всё засыпано пустыми банками и бутылками, пеплом, коробками от пиццы и суши. Под подушкой на кровати женские трусы. «Никто не собирает тебя бросать» - говорит Андрей. Он не смотрит в глаза. «Надо купить отбеливатель» - я ушла. Хотелось дышать осенью, смотреть на цветы. Я подошла к киоску и стала смотреть на крупные жёлтые хризантемы. Пошёл дождь.

Магнолия любит осень. Любит гулять по парку и любоваться красными клёнами. Однажды она нарисовала большой натюрморт – букет хризантем, они были нежные и прозрачные, какие-то хрупкие, анемичные. Надо сдать кровь на железо.

Именно осенью папа заметил, что она стала ронять еду. Как будто рука не слушалась, дрожала. И стала спотыкаться. За медицину всегда отвечала Магнолия, и он растерялся даже как-то.

Иди к врачу.
Глупости.

Но потом сам отвёл. Она больна. Болезнь, при которой человек становится неустойчивым. Но неустойчивость всегда была с ней. Худое тело, неуверенная походка, перемены настроения. Казалось, Малыш ей нужен именно для приобретения устойчивости – как передние лапы кошке. С ним она становилась стабильнее, не так быстро включала свой гнев, была безмятежная, как желе. Но если его не было рядом или если ему что-то угрожало, она извергала раскалённую лаву.

Кроме Малыша, ей нужен был папа. Можно сказать, что левой лапой был Малыш, правой папа, и только в такой комплектации она достигала баланса. Я же была тем человеком, который выбивал почву у неё из-под ног. И вот теперь, когда она стала старая, неустойчивость так ярко проявила себя – никто не может спасти её от дрожания рук, от постоянных спотыканий, странной походки и даже падений.

Плавучей, плакучей травы
Оборваны корни,
Плавучей, плакучей травы
Оборваны корни,
Но уж не плыть ей покорно по зову
Текучей влаги!

И ещё она стала разговаривать с кошкой. «Вишенка, ты моя хорошая, иди ко мне, вот так, вот так, давай сниму шерсть, зачем тебе лишнее, а хочешь кусочек рыбы? Конечно, хочешь, дорогая, мяу-мяу». Но только Вишенка умерла двадцать лет назад. И вот снова появилась как призрак старости моей матери.

Она как старуха Оно-Но Комати, пришла на могилу к Фукакусу, присела на гробницу.

Ступа устала стоять.
Я скитаться устала.
Не вижу дурного в том,
Что вместе мы отдыхаем.

Алло, Аика.

Да, мама.
Как ты там живёшь в этой России?
Нормально, мама.
Собираешь липким валиком пылинки с пола?
Конечно, собираю.
Не верю. Ты всегда была неряха. А что это за полка на стене?
Эта? Полка в книгами.
Ужасно. А вдруг она упадёт?
Тут нет землетрясений, мама.
Что ты шмыгаешь? Болеешь?
Нет, это просто так.
А ну-ка задери свитер.
Зачем?
Задери свитер, говорю же. Ну, так и знала.
Что?
Почему ты не носишь длинные трусы? Надо греть живот. Всегда, всю жизнь говорю тебе – грей живот.
Сумимасен, мама. Но тут никто не носит трусы до подмышек.
Иностранцы, что с них взять. Но ты не будь душой. Грей живот.

Кульминация нашей войны наступила, когда мне исполнилось 15 лет. Конечно, я не могла бунтовать. Хамить и открыто не подчиняться – это невозможно в японской семье. Я стала тихо сопротивляться. Соглашаться во всём, но саботировать. Не на то место вешать полотенце. Поворачивать кран в ванной не в ту сторону, в которую просила она. Оставлять волосы в раковине и пустые упаковки в холодильнике. Не так заворачивать мусорный пакет, переставлять не на то место чашки, в другом порядке миски, не симметрично ставить вазу. Она исправляла, делала замечания, я делала вид, что не понимаю, что это её паранойя. К тому же, училась я в это время очень плохо.

“Работая над собой, Аика. Ты должна работать над собой. Вот я была левшой, но в школе меня переучили. И теперь правша, это нелегко. Справилась, потому что работала над собой. И ты должна.”

В какой-то момент захотелось пойти дальше. Я стала прятать вещи. Её одежду, игрушки Малыша, квитанции, её крем для тела, упаковки чая, документы на машину, ключи от квартиры. Магнолия стала беситься. Она не могла понять, что происходит, а я только хлопала ресницами и улыбалась. Папа советовал ей отдохнуть – он ничего не замечал. Тем более, я была такая “ясасии” – ласковая, нежная и милая. Играла роль. А сама как землетрясение разрушала порядок, который создала Магнолия – все коврики оказывались немного сдвинуты, холодильник приоткрыт, из крана капала вода, исчезала упаковка нори. Она злилась на меня, но я всё отрицала. Во мне проснулся азарт - стала воровать мелкие деньги из её кошелька. Понемногу, чтобы это не стало заметно. Потом уже больше и больше. Мне хотелось свести её с ума, чтобы она потеряла всякое лицо, чтобы ей стало страшно. Однажды она застала меня – с её кошельком в руках. Подошла, размахнулась и ударила меня по лицу. Из губы пошла

- Перечисли мне денег, пожалуйста. Тут холодно, зима. Но они посыпают реагентами снег, и обувь быстро портится. Нужны новые зимние ботинки. Ты же знаешь, я зябну.

- Я же перечислял тебе месяц назад.

- Ну их уже нет.

- Тебе уже сорок лет, дочка. Как ты будешь жить без меня? Мне снился Малыш вчера, звал меня.

Через неделю пришёл ответ. «Привет, Аика! Не отвечай на это письмо, я уже заблокировала тебя. Да, ты была очень плохой подругой, и, наверное, не изменилась. Проверять не хочу. Ты мучила меня своим равнодушием, своим эгоизмом. У меня всё хорошо, трое детей, любящий муж. Всего хорошего».

В такие серые холодные дни особенно остро чувствуешь себя клубком пыли из угла, хвостиком от кровати, слизнем-обманщиком. Я натянула одеяло на голову и лежу как в раковине, душной и одинокой. Если прямо сейчас умру, ничего не изменится в мире. Хозяева квартиры через неделю будут искать свои деньги за аренду, позвонят мне – телефон разрядится, тогда они приедут сюда, вскроют дверь и найдут меня. Прямо тут, на кровати, в одеяле. Папе не нужно будет больше высылать деньги, мама скоро про меня забудет, или будет разговаривать со мной как с Вишенкой. Андрей... Надо поставить точку. Пишу: «Мы больше не увидимся?» Он звонит мне.

Приходи.

Ты хочешь сказать «Давай начнём всё заново»?

Нет, просто приходи.

И я зачем-то иду. Встаю с кровати, моюсь, чищу зубы – впервые за несколько дней. И вызываю такси. Долго едем по серому мраку. Бетон, бетон, бетон, чёрные громадины с тусклыми огоньками.

Пусть скоро позабудешь ты меня,
Но людям ты не говори ни слова...
Пусть будет прошлое
Казаться легким сном.
На этом свете всё недолговечно.

Так соскучилась по нему. Какой же красивый. Вижу его – и будто солнце вышло. Будто окунула ноги в тёплый источник.

Ты совсем бледная и тощая.

Я люблю тебя. А ты?

Будешь суп?

Будешь скучать по мне?

Зачем – вот же ты, зачем скучать.

Да? Какие у тебя планы на меня?

Ну что ты опять...

Скажи.

Накормить тебя горячим супом.

Я пошла мыть руки в ванную. В шкафчике нашла чью-то заколку для волос. Чья-то зубная щётка. На полу в углу чей-то длинный волос, светлый. Снова помыла руки. И снова. Как грязно у него тут без меня, сколько микробов, пятна, какие-то лобковые волосы, пыль.

Эй, ты там чего, суп остынет.

Я всё мою и мою руки. “Сигата-га най”, ничего не поделаешь. Вдруг вспомнила Фукакуса. Вот он сидит и сидит на скамейке возле дома Оно-но Комати. Он всё ждёт и ждёт, что она полюбит его. Посмотрит на него – о, какой ты хороший, каждую ночь таскаешься сюда, мёрзнешь, но не уходишь, какая мощная у тебя любовь! Иди ко мне в горячую постель, я выйду за тебя замуж. Этого он хотел. Но снег присыпал, и он умер. Наверное, Фукакус обладал макото. Макото – это когда человек живёт не логикой, не пользой и смыслом, а своими чувствами. Он такой спонтанный, живёт по импульсу. У него такие светлые чистые намерения, как эта раковина, когда я её помою, как мои руки сейчас. Его искренность сильнее нравственности. И его дело безнадежно.

Приехал и уезжаю вновь,
Уехал и вновь приезжаю.
Первая ночь, вторая ночь,
Третья, четвёртая ночь,
Седьмая, восьмая, девятая.
Десятая - на исходе.
Во дворце торжествуют встречу
Нового урожая.
Только я никого не встречу,
Одинок у её дома.
Вот зарю отмечает криком
Прилежный петел –
Так и я на краю подставки,
Где возка моего леги оглобли,
Отмечаю новой чертою
Ночь ожиданья.
Сто ночей, она мне сказала
Сюда являться.
Девяносто девятая ночь.
О, как вдруг тяжело,
Всё перед глазами кружится,
Тяжко в груди...

Есть у нас такой герой – Амакуса Сиро. Он храбро сражался за дело, которое было обречено – его восстание христиан было, конечно, подавлено властями. Он не шёл ни на какие компромиссы, переговоры, то есть ему даже не важен был результат. Сам порыв! Само намерение, чистое,

идеальное – вот, что важно. И он привёл соратников к полному краху, но стал национальным героем. Мне кажется, я похожа на Амакуса Сиро.

Я вышла из ванной и ушла. Андрей даже не заметил – курил на балконе.

Малыш спрыгнул с крыши девятиэтажного дома, когда ему было 16 лет. Какие-то проблемы в школе с одноклассниками. Его травили. И он ушёл. Магнолия несколько месяцев лежала в клинике, её лечили от депрессии. Потом она вышла, и папа подарил ей Вишенку, такого пушистого серого с белым котёнка. Она обрушила на Вишенку всю свою нежность. Я в это время уехала путешествовать в Австралию.

Наверное, я не очень хорошая дочь. И была бы плохой матерью, даже боюсь представить. Плохая жена, подруга. Остался только танец. Что такое танец – просто движения, которые тут же исчезают, как рисунок на песке. Всё так недолговечно. И только сам процесс возникновения вечен. Танец будет возникать бесконечно, хоть он и обречён. Но ведь мы все обречены. Мы все клубочки пыли, хвостики от креветки, краешки свиной отбивной, фальшивые улитки - мы проиграем времени, проиграем чему-то большому, которое давит нас. Мы все умрём – и вы тоже. Все мы исчезнем как роса, как снег, как лепесток. Но пока можешь танцевать – надо танцевать.

Один раз, мне было пять лет, мама завернула меня в одеяло как младенца, и качала на руках, и мы смеялись. Это самое тёплое воспоминание. Она называла меня «моя рыбка», а я говорила: «Нет, мама, я – кит!» Я и правда хотела стать китом. Кит – это как большой остров, только подвижный. Япония – это несколько очень крупных китов, и много мелких. А когда ты остров, ты не зависишь ни от кого. Ты содержишь всё: землю, воздух, лес, рыбу возле своих берегов, реки, животных – ты целый мир. Никто не может тебя не заметить: ой, Айка, я думала тебя нет, ты такая маленькая, не запомнил тебя, как зовут эту девочку? Никто не может тебя заставить делать что-то, даже твоя мама. Никто не может стать для тебя незаменимым. Ты – сама по себе, ты кит, температура тела постоянная и не зависит от температуры окружающей среды, а выдох образует фонтан, ты чувствуешь кожей жизнь и слышишь даже инфразвуки и ультразвуки, чего не может слышать человек, и можешь не есть по 8 месяцев. И если ты Гренландский кит и тебя не убил человек, живи 200 лет.

Я люблю тебя, мама.

КОНЕЦ